

18+

Люцифер

Шиловская М.Н.

Маргарита Шиловская

Люцифер

«Издательские решения»

Шиловская М.

Люцифер / М. Шиловская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961703-3

Каково было ангелу, чье предназначение нести свет, быть свергнутым в непроницаемый мрак? Люцифер сам расскажет об этом. Теперь, через тысячи лет, в его душе осталась только пустота и бессильная ненависть, он ищет только конца. Любого конца. Они встретились, когда Дея потеряла последнее, что соединяло ее с этим миром. Они оба были опустошены болью. Кто же знал, что влюбленный Дьявол представляет для мира опасность большую, чем ненавидящий?

ISBN 978-5-44-961703-3

© Шиловская М.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	12
Глава III	18
Глава IV	21
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Люцифер

Маргарита Шиловская

© Маргарита Шиловская, 2025

ISBN 978-5-4496-1703-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава I

Он шел по темной невзрачной улице. Очередной дом. Очередной город. Сколько раз он уже видел это место? Сколько раз ходил по этим ничем не отличающимся от других улицам? Он уже выучил эту чертову Землю наизусть. Он мог преподавать географию без карты.

Темнота сгушалась над мертвым коридором деревьев. Холодное позднее осеннее небо дышало тяжело, с присвистом. Природа тихо умирала, под ногами жалобно чвякали жухлые листья. Он присел на ободранную скамейку. Кругом не было ни души, только изредка подлетали любопытные воробьи. Глаза-бусинки с наклоненной головы оглядывали его, и птица улетала искать удачи в другом месте с более располагающим человеком. Мужчина оперся подбородком на руки, опустив вечно скучающий взгляд в поблескивающие лужи. Брюки и тонкая рубашка совсем не защищали от пронизывающего ветра. Он замерз, но не замечал этого. Было только как всегда тоскливо.

Кто-то сел рядом на скамейку. Мужчина вздрогнул и неприязненно покосился на нарушителя покоя: погруженный в свои мысли, он не заметил пришедшего. Что-то внутри со свистом упало книзу. Что она здесь делает?! Из сотни скверов Дея умудрилась выбрать именно этот. Хотя, кажется, она совсем не замечает его присутствия. Одето легко...

Издали послышалось частое шлепанье по лужам, а следом тяжелый и неровный топот еще одних ног. Не иначе как кто-то за кем-то гонится. Да, чего и следовало ожидать. Из-за поворота, скрытого кустами, выскочила женщина с невероятно округлившимися глазами.

– Валера, ты чего так расстроился? – крикнула она в кусты. – Давай вернемся домой и спокойно поговорим, – дипломатично предложила женщина.

Из-за деревьев вылетел, а точнее выпал, мужчина, низкий, но широкий в плечах. Судя по всему, в этот вечер Валера не был расположен к диалогу. В его руке блестел небольшой нож, бежал он, как-то петляя и постоянно запинаясь, словом, был изрядно пьян. Намерения мужчины не вызывали сомнений: не имя возлюбленной он пришел вырезать на скамейке. Женщина с задуманным всхлипом бросилась к сидящему на скамейке приличного вида мужчине, не в силах что-то выговорить.

Валера остановился невдалеке от них. Он надвинул кепку поглубже на затылок и попытался сфокусироваться на новом участнике сцены. Тот даже бровью не повел. Он смотрел на мужчину, как и на все кругом, скучающим и ничего не выражавшим взглядом. Таким же взглядом он недавно окинул пасмурное небо, ветхую скамейку, вялую листву под ногой. Ему было решительно все равно на то, что произойдет дальше.

Валера подошел к аккуратно одетому мужчине впритык. Красные глаза навывкате, наконец, смогли сфокусироваться на одном предмете. На сидящего волной вылился запах крепкого спиртного вперемешку с жутким дыханием профессионального алкоголика.

– Не вмешивайтесь, – шепнул мужчина девушке, сидящей рядом на скамейке. Она, казалось, только сейчас заметила его и непонимающе оглядывалась вокруг, но осталась сидеть на месте.

Мужчина лениво поднялся, возвышаясь над своим соперником почти на полметра. У того от сего прискорбного факта глаза серьезно округлились, он отступил на шаг, а женщина успела юркнуть за широкую и видимо надежную спину. Валера слегка отошел от первого страха, а изрядная доля алкоголя в крови и сложный характер вернули ему былую наглую уверенность. Он поднял свои заплывшие глаза на возвышающуюся перед ним фигуру и вогнал свой нож по рукоятку сбоку под ребра мужчине. По рубашке растекалось темное пятно, но лицо

его осталось неподвижным, только в глазах блекло вспыхнул отглас другой, гораздо более древней боли.

– Допустим, вы меня убили, что дальше? – устало поинтересовался он.

От этих слов глаза у Валеры совсем уж полезли из орбит, открывая нелицеприятное зрелище. Недобрый огонек вспыхнул в глазах высокого мужчины. Выражение ужаса на отвратительно пьяном лице его подзадорило.

– Вы испортили мне рубашку, – констатировал он. Как-то криво улыбнувшись, он схватил мужчину за горло, разом лишив того возможности дышать. Приподнятый на полметра над землей, резко протрезвевший Валера, барахтался что было мочи, но с каждой секундой сопротивление его ослабевало. Вскоре он совсем затих, а на его лице навсегда застыла гримаса ужаса. Лицо же второго мужчины не отразило ни одной эмоции. Он вытащил из бока окровавленный нож, темное пятно поползло по бедру. Мужчина прикрыл глаза, пытаясь отогнать подступившую слабость.

Вдруг он осознал, что кто-то намертво вцепился в его руку. Он нехотя приподнял тяжелые веки. Незнакомая женщина смотрела на него с ужасом и, видимо, была не в силах разжать пальцы. Мужчина глубоко вздохнул. Он посмотрел на нее без малейшего интереса, как вымотавшийся путник на прицепившуюся к рукаву колючку. Оцепенение женщины прошло, она что-то кричала ему, дорывала рукав бедной рубашки, а он только смотрел на нее ничего не выражающим взглядом. Кажется, она начала его проклинать. Мужчина попытался высвободить руку, но не тут-то было: женщина вцепилась в него мертвой хваткой и продолжала верещать. Он не разбирал слов, но крик болью отдавался в висках.

Мужчина с силой тряхнул рукой, оттолкнув женщину к скамейке. Она ударилась головой и осела вниз на землю. Когда он уходил, она еще громко всхлипывала. Ему не было дела ни до него, ни до нее, он совершенно не собирался разбираться, кто и в чем виноват. Одной жизнью больше, одной меньше. Обыденность. Это все уже давно не важно.

Дея все еще сидела не скамейке, а в памяти застыли глаза с пустым, отсутствующим взглядом. Лишь на миг в них пробудилась жизнь, когда клинок вошел в его тело. Ей показалось, или по-настоящему больно ему было не от этого? В его глазах сквозила такая печаль, что, казалось, ее хватит на все человечество. Почему-то ей они казались знакомыми. Она вспомнила, как темно-красное пятно расплзлось по его телу, как он посмотрел на ту женщину, что схватила его за рукав, совершенно безразличным взглядом. И просто ушел. В памяти возник темный пошатывающийся силуэт в промежутке между деревьями.

Надо помочь. Надо. Дея поднялась со скамейки. В тот момент она даже не подумала о несчастной женщине, которая плакала над телом своего мужа, еще недавно – потенциального убийцы. Дея никак не могла собраться с мыслями, как ни старалась, она не могла осознать реальности происходящего. Где-то на уровне подсознания она понимала, что это должно вызвать у нее страх, и она должна бежать отсюда как можно дальше, но все чувства, кроме одного, куда-то исчезли.

Он, тот человек, нуждается в помощи, она это слишком остро ощущала. Но почему-то казалось, что он не примет ее. Ноги шли тяжело, пальцы на руках Дея не чувствовала. Нет, она не боялась, она уже давно перестала бояться. Этот мир к ее совершеннолетию превратился в какой-то сплошной ад, она даже привыкла к нему за столько лет. Но сейчас она сильно замерзла. Последние дни она и так чувствовала себя слабой, жила, словно в бреду, с трудом понимая, что происходит. Ее душа существовала одной надеждой, что все это когда-нибудь пройдет, что где-то она увидит просвет. Дея тонула в этой жизни и лишь изредка, на мгновение ей удавалось вынырнуть и сделать неполный вздох, затем волны вновь захлестывали ее, утягивая на дно.

Девушка вышла из парка и пошла вдоль реки. Одинокая фигура стояла на мостовой, оперевшись на ограду. Мужчина смотрел на черные волны, бестолково бьющиеся о каменную

набережную. Холодный ветер развеивал пряди светлых волос. Солнце садилось, последние его мутно-серые отблески угасали за рекой. Чайки, черные в бледных лучах заходящего солнца, казались стаями ворон, круживших над водой в поисках укрытия. За рекой собирались грозные тучи.

С каждой минутой становилось темнее. Дея подошла ближе. В полутьме лицо мужчины казалось пепельно-серым, а глаза почти черными. Он никак не отреагировал на ее приход и только молча продолжал смотреть на бушующие волны. Его руки, крепко сжавшие поручень, слегка дрожали. Дея вдруг поняла, что он с трудом стоит на ногах. Она сделала еще шаг, а он, отпустив руки, упал на гранит.

Разум навязчиво старался осведомиться, чего она вообще творит, но Дея не обращала на него внимания. Подъехав к своему дому, она пыталась растормошить раненого мужчину, слабые пощечины ничего не дали, бить сильнее она боялась, он и так неважно выглядел. Дея не знала, что делать. Она забралась обратно на водительское сиденье и прилегла на руль.

– Думай, думай, думай, – шептала она, оглядывая опустевший двор. Взгляд ее упал на оставленную у подъезда тележку дворника. Дея даже улыбнулась такой удаче.

Путь до квартиры она миновала без особых проблем, разве что не сразу разместились в лифте. Нога мужчины мешала закрываться дверям, хорошо, что Дея вовремя это заметила и, проявив чудеса гибкости, подтянула его еще ближе к себе, вжавшись в заднюю стенку лифта. Так, практически не дыша, она доехала до седьмого этажа.

Ввалившись домой, Дея кое-как уложила раненого на кровать, судорожно вспоминая давно забытые уроки оказания первой помощи. Она стянула с него рубашку, которая уже с одной стороны полностью пропиталась кровью. Около часу ночи ей удалось остановить кровотечение и перевязать рану.

Дея едва держалась на ногах от усталости. Вытерев кровь с рук чистой тряпкой, она присела на диван. Девушка пообещала себе, что только даст отдых ногам, но спать не будет, надо было следить за состоянием раненого. Тяжелые веки никак не отреагировали на обещание и начали закрываться сами собой. Это была не первая тяжелая ночь, навалившаяся на нее за последнее время. Она не заметила, как реальность смешалась со сном, а она медленно сползла со спинки дивана, растянувшись на мягкой подушке.

Ей снилось детство, какой-то осенний праздник и дорога в школу. Дея была одета в темное платье с забавными кружевами, волосы перехвачены огромными белыми бантами в два хвоста, которые при каждом шаге резво покачивались из стороны в сторону. Ветер дул в спину, поэтому волосы при каждом удобном моменте лезли в глаза и лицо. До чего же она не любила все эти наряды и прически с бантами. Дея раздраженно откинула с лица золотистые волосы и оглядела свой потрепанный букет: неужели кому-то нравятся эти нелепые бледно-желтые цветы, да еще и засунутые в розовую упаковку и обвязанные фиолетовой лентой?

При новом порыве ветра непослушные волосы вновь закрыли весь обзор. Дея потрянула головой, пытаясь откинуть их с лица, но волосы зацепились за ажурную обертку. И как только они всегда умудряются найти, обо что запутаться? Она бросила на землю пакет со сменкой и принялась методично высвобождать волосы. Надолго ее не хватило, хвост никак не хотел отцепляться, и, казалось, запутался еще больше. Девочка едва не зарычала от всей глупости ситуации: скоро прозвенит звонок, а она стоит посреди дороги и копается со своими волосами, практически прижимая букет к голове, чтобы не было больно.

Дея скорее почувствовала, чем услышала чью-то негромкую усмешку и подняла разъяренные глаза на мужчину, который проходил мимо. Он и не подумал скрыть насмешки. В голубых глазах плясали злорадные огоньки. Дея резко рванула упаковку и высвободила несчастный хвост, вырвав при этом изрядный клочок волос. Еще больше стусевавшись от сво-

его нового поражения и странного насмешливого взгляда чужих глаз, она решила поскорее скрыться за стенами безопасной школы, которая уже виднелась вдалеке.

Гордо вздернув нос, Дея шагнула через поребрик, но не рассчитала его высоты и через мгновение растянулась на мокром асфальте. С тротуара донеслись короткие испуганные восклицания, а сбоку раздался тяжелый скрип. Кто-то оттолкнул ее на середину дороги. Дея больно ударилась плечом и разодрала колено. Следом послышался громкий скрежет и глухой удар. Она испуганно обернулась. На дороге в метре от машины лежал тот самый мужчина, который недавно проходил мимо.

К нему подбежал водитель и что-то быстро говорил с крайне расстроенным видом. Мужчина смотрел на него отсутствующим взглядом, видимо, совершенно не понимая, что он говорит. Он прикрыл глаза и зажмурился, а когда открыл их, смотрел прямо на Дею, но всего мгновение. Мужчина что-то сказал водителю и натянуто улыбнулся. Водитель еще раз что-то пробурчал с виноватым лицом и поспешил убраться обратно в машину. Мужчина попытался встать на одну ногу, но, покачнувшись, едва не упал, и оперся на другую. Grimаса боли на несколько мгновений исказила его лицо, но он удержался и не упал. Он поплелся в сторону, противоположную от Деи, сильно хромя на левую ногу.

Когда она опомнилась, мужчина ушел уже далеко. Дея хотела побежать за ним, но машины преградили ей дорогу. Только в промежутках между проезжающими автомобилями она видела удалявшегося человека со светлыми волосами, которые отливали серебром на солнце. Когда машины, наконец, проехали и Дея перебежала дорогу, его уже не было видно. Над улицей промелькнула тень, на мгновение заслонив осеннее солнце.

Тихо отходя ото сна, Дея медленно потянулась, вспоминая, что ей снилось. В детстве ее едва не сбила машина, и кто-то точно также ее оттолкнул. Она уже не помнила реального события, детская фантазия и годы стерли факты, оставив только размытые образы. Дея уже не помнила лица человека, который спас ее – она видела его лишь несколько секунд. Однако теперь ей казалось, что она узнала своего спасителя. Может быть этот мужчина просто похож на того и два образа слились в один более свежий и новый, а воображение все дорисовало само? Может быть. Но глаза. Она могла перепутать внешность, но такие глаза она видела раньше только раз в жизни, и они были у того человека.

В голове, наконец, прояснилось, а тело лишь приятно болело, избавившись от давней усталости. Дея даже улыбнулась, но улыбка быстро сползла с ее лица. Она резко села, ища глазами часы. Часовая стрелка почти дошла до шести. Дея откинулась обратно на подушку. Не так долго она и спала, хотя чувствовала себя хорошо отдохнувшей, если только не...

Она вскочила на ноги и распахнула занавески. Было достаточно темно, а рано заходящее солнце золотило крыши соседних домов. Уже вечер?! Она проспала больше восемнадцати часов. Окончательно очнувшись ото сна и вспомнив вчерашний день, Дея бросилась к больному мужчине.

Он лежал так, как она его и оставила, на боку. Его ребра мерно вздымались, по-видимому, он спокойно спал. Дея облегченно вздохнула, но теперь что-то другое привлекло ее внимание. Вчера она слишком устала, чтобы заметить это. Она подошла ближе. Ровные бледные плечи мужчины рассекли два широких багряных шрама. Его правая рука обхватила левое плечо, словно он даже во сне старался закрыть это место, то ли защищая, то ли не желая никому показывать. Шрамы выглядели старыми и свежими одновременно, казалось, они только-только затянулись и малейшее движение заставит их вновь кровоточить. Дея провела, едва касаясь, по его спине рядом с одним из шрамов.

Рука, мирно лежащая на плече, железной хваткой вцепилась в ее руку, а голубые глаза впились в лицо. Дея даже не успела вскрикнуть. На то время, пока он ее осматривал, она забыла, как дышать. Сначала он вглядывался в ее лицо, потом окинул взглядом комнату, потом

удивленно посмотрел на повязку под ребрами и снова на нее. Казалось, только сейчас он заметил, что все еще больно сжимает ее руку, и резко разжал пальцы. Только в этот момент легкие напомнили, что неплохо бы начать дышать. Дея виновато опустила руку, неосознанно растирая болевшее запястье.

– Прости, – выдавил мужчина еще до того, как осознал, что говорит. От этого ему самому стало неловко. Он начинал злиться. Надо убираться из ее квартиры. Мужчина попробовал подняться, но ее рука его остановила. Он удивленно взглянул на тонкие пальцы, потом на их обладателя. Глаза его наливались яростью, он не терпел, когда к нему без спроса прикасаются, тем более он не терпел, когда кто-то ему препятствует сделать то, что он задумал. Люди и за меньшее лишались жизни. Только на этот раз никто не испугался его прожигающего взгляда. Он наткнулся на нрав не менее упертый, чем его собственный.

– Вам нельзя вставать, рана разоидется и снова откроется кровотечение, – спокойно объяснила Дея.

– Я сам разберусь, что мне можно, а чего нельзя, – прорычал он, но все та же рука с силой усадила его на кровать. Мужчина, еще более разъяренный, снова вскочил на ноги. В плечо что-то неприятно вонзилось. Он удивленно смотрел на то, как жидкость из шприца входит в его тело. Вот перед глазами уже предстали два шприца, каждый из которых распался на два и еще на два. Вскоре они заплясали по кругу, а мужчина почувствовал, как потяжелевшая голова легла на что-то мягкое, и кто-то накрыл его теплым одеялом. Потом он погрузился в сон без сновидений.

Мужчина приоткрыл глаза, пару минут бессмысленно разглядывая темный потолок. Он лениво потянулся, переворачиваясь на бок. Рана почти не болела, однако бодрости не было. Он чувствовал себя усталым и разбитым. Несколько минут ему хватило на то, чтобы осознать, где он находится. Он медленно сел на кровати, еще не до конца доверяя своему организму. Бок был заново перебинтован. В комнате было темно, окно плотно зашторено, но на улице чувствовался пасмурный свет, наверное, было утро. Он заметил, что кто-то лежит на диване. Видимо, Дея заснула. Диван был меньше ее роста и прогибался дугой, вряд ли в этом было что-то удобное.

Он тихо поднялся с кровати и подошел ближе. Присмотревшись, он увидел фигуру, наглухо закрытую с головой тонким пледом. Ему подвернулся удобный случай незаметно уйти. Только он собрался осуществить свои планы, как услышал нечто похожее на всхлип. Мужчина насторожился. И вот снова. Нет, на этот раз не показалось. Девчонка плачет. И, сдавалось ему, что опять произошло что-то серьезное и не без его участия. Дея совсем его не замечала, уткнувшись носом в спинку дивана.

Рассудок кричал, что надо уходить, но он медлил. Почему? Почему он без единой мысли убивал, а теперь вдруг почувствовал нечто сродни сожалению? Он стоял неподвижно, анализируя со всех сторон непривычную эмоцию. Внутри что-то недовольно бурчало и скребло стенки окаменевшей души. Это чувство чем-то походило на вину, но гораздо слабее и незаметнее, однако одна возможность его появления на фоне полного бездушия внесла смятение в его мысли.

Подойдя совсем близко к дивану, он случайно наступил на спящую собаку. Спаниель жалобно взвизгнул. Дея обернулась. Лицо все заплаканное и опухшее, даже в полумраке были заметны покрасневшие глаза. Покрасневшие и пустые. Впервые за столько лет лицо мужчины выглядело растерянным. Он привык видеть ее сильной.

– Неужели сломлена? – мелькнуло в голове. Он так долго хотел этого, столько сил потратил. И что теперь? Где эта чертова радость?

Казалось, Дея не понимала, кто стоит перед ней, она совершенно забыла, что здесь есть кто-то еще. В ее глазах отразилось удивление и надежда.

– Она ждала кого-то другого, – догадался мужчина. – Кого-то, кто не пришел. Кто уже не придет.

По ее щекам сбегали слезы, а растерянный взгляд упорно искал что-то в темноте комнаты. Как? Как может целый мир стать пустым в одно мгновение? Как вмиг то, что было наполнено глубоким содержанием, становится вдруг не имеющим смысла? Это кажется таким неестественным, что человека, которого ты считал частью себя самого, больше нет.

– Нет, – повторила Дея одними губами. – Был и нет.

Настолько просто, что не поддается осознанию. Она осталась один на один с этим миром. Она не чувствовала себя готовой к этому и Наверное никогда бы не почувствовала. Все, что ее до сих пор держало здесь, покинуло ее, что не давало ей утонуть в мятежном море жизни, вмиг ушло на дно, оставляя вместо себя ничто, зияющее пустотой. Оно протягивало к ней свои черные холодные пальцы.

Мужчина наблюдал за девушкой и внезапно почувствовал, что стал предметом ее мыслей. Теперь она смотрела на него, а не сквозь, как раньше. Он выжидал, невольно сдерживая дыхание. Дея толком не знала и не хотела знать, зачем сделала это. Она потерялась в этом бушующем море, а он стоял, словно высокий скалистый остров, которому нипочем любая буря. На нем невозможно жить, он мертв, но с ним нельзя утонуть. Лицо его снова выглядело спокойным, он успел натянуть привычную маску безразличия, которой смело можно отпраздновать свое тысячелетие.

Дея порывисто встала и прижалась к нему, пытаясь найти на его груди хоть какую-то, хотя бы и иллюзорную, защиту, иначе бурлящий поток унесет ее, поглотит, и она уже больше не выплывет. На этот раз просто не хватит сил. Она уже чувствует холодные волны, утягивающие на дно. На дно.

Мужчина стоял, опустив руки, и не шевелился. Он лишь едва вздрогнул и напряженно замер. Если бы Дея подняла глаза на его лицо, то увидела бы все то же растерянное выражение, которое было ему совершенно не свойственно. Холодная рука легла на ее волосы, а в плечо что-то больно кольнуло. Вяло взглянув в сторону источника новой боли, она увидела ту же картину, что и мужчина два дня назад: шприц раздвоился, а через несколько минут маленькие его копии заплясали по кругу, утаскивая за собой обессиленную жертву. Лекарство не сразу подействовало на привыкший организм. Она смотрела ему в глаза детским доверчивым взглядом и тихо уткнулась в плечо, ища защиты. Тело быстро начало слабеть, вскоре помутнел и разум. Где-то на грани реальности и сна она почувствовала, что ее приподняли и уложили на кровать. Чья-то рука скользнула по волосам и щеке, и она провалилась в пустоту.

Глава II

Отец вел ее за руку по залитому солнцем лесу. Мама шла рядом и улыбалась ей. Родители выглядели в точности как на фотографиях, которые она всегда держала перед собой на столе. Дея была снова маленькой девочкой. Они уходили все глубже в лес. Она вдруг заметила, что улыбка мамы стала напряженной. Родители беспокойно озирались. Дея не успевала за отцом, который шел слишком быстро. Она устала, ей было тяжело идти, она постоянно запинаясь о корни деревьев.

– Папа, я больше не могу, – запротестовала Дея.

– Но мы должны идти, доченька, – ласково ответил отец, но что-то показалось чужим в его голосе. Он опять беспокойно обернулся. Дея тоже всматривалась в деревья за спиной, но ничего не увидела.

Она обернулась, чтобы спросить отца, чего он так боится, но его уже не было рядом. Испуганно вскинув голову, девочка искала взглядом родителей. Впереди между деревьями мелькнула куртка матери. Дея пыталась бежать, но ноги не слушались, она звала родителей, но они не слышали и уходили все дальше в лес. Внезапно стало холодно, темно и страшно. Деревья выросли перед ней плотной стеной.

Недалеко впереди слышался шелест волн, Дея пыталась проломиться сквозь кривые ветви. Иголки царапали кожу, колючий кустарник больно впивался в ноги. Наконец, она вырвалась на узкую песчаную полоску дикого пляжа. Впереди до горизонта раскинулось серое море.

Родители сидели на песке у самой кромки воды, смотря куда-то вдаль. Волны, поднимаясь на несколько метров, широким валом окатывали их, откидывали назад, но родители словно ничего не замечали. Дея пыталась растормошить их, но они не обращали на нее никакого внимания. Шторм все усиливался, а волны поднимались выше. Вода вымывала из-под ступней и без того зыбкий песок.

Дея пыталась оттащить родителей от моря, но они были тяжелыми. Очередная волна сбила ее с ног и потянула за собой. Девочка пыталась зацепиться за дно, но рыхлый песок проходил сквозь пальцы, не позволяя хотя бы на миг задержаться. Вода несла ее кубарем, Дея барахталась, пытаясь выплыть, но новая волна вновь захлестывала ее, и все начиналось сначала. В темной глубине воды Дея пыталась осознать, где находится верх. До нее доносился, словно сквозь стеклянную преграду, приглушенный шелест бушующей стихии. Дея увидела, как высоко над головой сталкиваются волны, но здесь, внизу было тихо, она падала в черную пустоту. «Наверное, так надо», – подумала она и закрыла глаза.

– Все хорошо, милая? – такой знакомый голос, но почему-то вопрос прозвучал безэмоционально, словно был заучен. Дея открыла глаза. Она лежала на своей кровати. Рядом с ней кто-то спал, накрытый с головой одеялом. Дея аккуратно откинула ткань, и улыбнулась, увидев тетю. Женщина даже во сне была красива, но лицо ее было бледнее, чем обычно. В уголках глаз лежали маленькие морщины, которые часто появляются у людей, привыкших искренне смеяться. Дее было жаль ее будить, но так сильно захотелось поговорить, увидеть теплый взгляд, который всегда согревал и дарил душевный покой, достаточно было лишь взглянуть в мягкие карие глаза. Дея осторожно тронула ее за плечо, но отдернула руку: оно было холодным. Что-то внутри неприятно сжалось. Тетя медленно повернула к ней голову и посмотрела прямо в глаза. Дея отшатнулась. Они были абсолютно черны и пусты. Это были не ее глаза.

– Иди ко мне, дорогая, – проговорила она, и губы ее изогнулись в фальшивой улыбке. Это был ее голос, но звучал он бездушно, механически. Дея соскочила с кровати и начала пятиться к выходу.

– Куда же ты? – спросило тело. Именно тело, потому что души в нем не было.

На месте, где раньше была дверь, оказалась глухая стена. Дея провела руками по обоям и обернулась в поисках выхода. Тело стояло прямо перед ней, протягивая скрюченные пальцы.

Дея проснулась от собственного крика посреди ночи. Вся футболка насквозь промокла от холодного пота. Она дико озиралась по сторонам и отшатнулась, когда наткнулась взглядом на небольшую возвышенность под скомканным одеялом. Прошло несколько минут, прежде чем рациональная часть Деи не уверила ее, что это все лишь свернутое одеяло и ничего более. Она осторожно подошла и толкнула толстый ком – одеяло развернулось, и один его конец свалился на пол. Дея облегченно выдохнула и села на кровать. И ведь могло же ей присниться, что тетя умерла! Это все усталость и постоянное нервное напряжение. Дея передернула плечами: по спине все еще бегали мурашки.

Она накинула на плечи одеяло и протянула руку к телефону, лежащему на тумбочке. Быстрый набор номера и размеренные гудки. Ей хотелось просто услышать знакомый голос. Она часто звонила ночами тете, когда хотела отвлечься от кошмаров, и та ее всегда внимательно выслушивала, ни разу не проявив недовольства, потом говорила несколько ласковых слов, и на душе у Деи становилось светло и спокойно, она засыпала крепко до самого утра.

В странном оцепенении Дея вслушивалась в тишину на том конце провода. Девушка вздрогнула, словно от удара, когда тот же механический голос предложил оставить аудиосообщение. Телефон выпал из пальцев, когда Дея поняла, что никто не ответит. Больше некому было спасти ее от ночных кошмаров. Дея сжала голову руками пытаясь сдержать боль, душа поняла все раньше рассудка. Слезы побежали на подушку. Это был не сон, а ужасающая явь. Она вспомнила, как ей звонил врач и долго ходил вокруг да около, пока не сообщил о смерти тети. Он говорил про какую-то тяжелую болезнь с длинным названием, но Дея не слушала. В ее голове вертелись слова «Анна Андреевна скончалась полчаса назад». И этот голос... разве можно таким голосом сообщать такое? Нет, это какая-то ошибка. Человек, ты вообще понимаешь, что говоришь? Она не могла умереть, не могла...

Солнце переползло середину своего пути, когда Дея смогла подняться с кровати. Она дошла до ванны и умыла опухшее лицо. Из зеркала на нее взирало человекоподобное существо с красными глазами и обкусанными до крови губами. Холодная вода на несколько мгновений облегчила звенящую боль в голове. Слезы снова потекли по щекам, хотя, казалось, они давно закончились. Дея безучастно посмотрела на заляпанную кровью рубашку, лежащую на краю раковины. Только когда она вышла из ванной, разумная мысль нагнала ее. Куда он делся? Окна и двери были заперты изнутри, последние в своем роде ключи от квартиры лежали на прикроватной тумбочке.

– Да что за чертовщина? – подумала она.

Он никак не мог выйти подобным образом, значит, не приходил. Наверное, именно так сходят с ума. Очередная порция снотворного сыграла с ней злую шутку. Видимо мозг, пытаясь защитить нервную систему, выдумал того человека. Поэтому он и был ей знаком. Просто разум взял за основу старый образ спасителя, чтобы облегчить ее муку и в настоящем. Только теперь Дея поймала себя на мысли, что подозрительно четко мыслит и хладнокровно анализирует события.

Видимо, сильное перенапряжение душевных сил привело ее в состояние большой работоспособности мысли, после которого обычно надолго наступает полнейшее бессилие. Может быть, получится снова позвать этого человека, с ним не так больно и не так страшно, пусть он всего лишь галлюцинация. Опасаясь, что мозг ей в скором времени откажет в работе, Дея зажмурила глаза и представила себе незнакомца во всех деталях. Но открыв глаза, она не увидела ничего кроме скромного убранства своей комнаты. Никто не пришел.

Она упала в кровать прямо поверх одеяла и накинула себе на спину его свободный край. Следующие три дня прошли в созерцании витого рисунка обоев, которые то освещало солнце, то скрывал мрак. Она ничего этого не замечала и вставала только тогда, когда ее собака

начинала жалобно скулить, прося поесть или выйти на улицу. Дея, накинув пальто на футболку, спускалась к двери парадной и выпускала Каспера погулять. Она безразлично смотрела на пустую улицу, прислонившись плечом к косяку. Пес словно оживал после длительного заточения и гонялся за осенними листьями, кружившими по двору. Наигравшись, он довольный возвращался к хозяйке, и они поднимались обратно в квартиру, где их можно было застать всегда в одинаковом положении: Дея отворачивалась носом к стенке, а Каспер растягивался на полу рядом с кроватью и изредка махал хвостом, когда она переворачивалась на другой бок.

Через неделю внешний мир напомнил о себе в виде сообщения от старосты группы, что если она не появится в вузе в ближайшее время, у нее будут большие проблемы. Дея попыталась вспомнить, когда в последний раз видела стены любимого учебного заведения. Тяжелый вопрос. На звонки из деканата она упорно не отвечала. Еще немного и ее действительно отчислят.

Дея сползла с кровати и зашла в ванную. Вид у нее был шикарный: с худого лица на нее смотрели крайне мрачные глаза, скулы заострились, а губы потрескались. Она открыла кран и подставила висок под холодную струю. Надоедливый гул начал затихать в голове. Спустя несколько минут она вышла из ванной, нашла в шкафу черный свитер и натянула его прямо на футболку от пижамы. Джинсы и один кроссовок нашлись под стулом, второй услужливо притащил из-под кровати Каспер. Дея пригладила руками спутанные волосы. Ну, сойдет.

Всю дорогу вид у нее был мрачный и задумчивый. На женщину, которая начала верещать, чтобы она прошла в конец маршрутки и стояла там, зажата с двух сторон коленями людей, Дея посмотрела так, что у той сразу пропало желание вмешиваться. На улице было около нуля градусов, а в душной маршрутке, температура не поддавалась измерению. Но в Аду, говорят, на пару градусов холоднее. С утра в метро была обычная толкучка, ведь, как всем известно, чем ближе прижимаешься к идущему впереди человеку, а еще лучше, наступаешь ему на пятки, тем быстрее он идет (необъяснимо, но факт!).

Выйдя на улицу, Дея наконец вздохнула свободнее. Холодный ветер слегка привел ее в чувство, она перестала смотреть сквозь предметы, взгляд ее стал более осознанным. Она шла по грязным лужам, обходить их было все равно бесполезно, они были везде. Начал накрапывать мелкий противный дождь.

У стены магазина вжался в стену маленький старичок, обхватив руками проглядывающие через дырявые штаны колени. Большая черная куртка висела на нем мешком. Дея видела его здесь каждое утро в течение нескольких лет. Он никогда не менял своего положения, только изредка бурчал слова благодарности за горсть брошенных в стаканчик монет. Теперь же он, взяв его в руки, высыпал в ладонь всю накопленную мелочь и непослушными от холода пальцами пытался ее сосчитать. Дея отвела взгляд. В душе ее поднималась непонятная ненависть и обида на человечество.

Редкий прохожий подумает о них, людях, не имеющих дома, бросит печальный взгляд, может, даст пару монет, чтобы потом пройти мимо и совершенно забыть о них до новой встречи, которой, к слову может и не быть. Каждый спросит себя: «чем я могу помочь?», и каждый найдет достойную отговорку, что ему самому трудно. Совесть, на несколько мгновений усыпленная, позволит в очередной раз пройти мимо.

Какая, должно быть, ненависть, обида и злоба таятся в сердцах этих маленьких, сжавшихся в комок людей, на остальное человечество! Они сидят так тихо и неподвижно, что кажется, будто они слились со стеной, стали частью улицы, и за городом наблюдают лишь печальные выцветшие глаза.

Дея добралась до вуза и села на свое привычное место. Никого не хотелось видеть, ни с кем не хотелось говорить. Пары тянулись как никогда долго. Каждые пять минут она смотрела на часы и умоляла стрелки двигаться хоть немного быстрее. Она уже давно перестала понимать,

что говорит преподаватель. Дея автоматически записывала лекцию, параллельно думая совсем о другом. Когда четыре пары, наконец, закончились, она срыла все вещи в рюкзак и практически выбежала из аудитории, чтобы ни с кем не разговаривать.

– Добрый вечер, – чей-то голос оторвал Амадею от мыслей.

– Добрый, – на автомате бросила она и удивленно посмотрела на человека, идущего рядом.

– Хорошая нынче погода, не правда ли? – заявил незнакомец. Дея с неприязнью посмотрела на него, очевидно не разделяя его любви к дождю.

– Мы знакомы? – спросила она, прекрасно зная, что нет. Просто хотелось как можно скорее отвязаться от этого человека, прийти домой и залезть с головой под одеяло.

Незнакомец проигнорировал ее вопрос.

– Быть может, мы пойдем вместе к вам домой, раз вам так хочется скорей туда попасть? – предложил мужчина.

Амадея едва удержала свою челюсть от падения на мокрый асфальт. Такой наглости можно позавидовать. Она посмотрела в лицо незнакомца, с намерением высказать все, что она об этом думает, но слова застряли в горле.

– Да откуда вы только беретесь с такими глазами? – подумала она. – Только у этого они отдают зеленым, а у того...

– Чисто голубые, – кивнул незнакомец. – Как раз о нем я и хотел поговорить, – пояснил мужчина, не обращая внимания на изумление собеседницы.

Дея остановилась посреди улицы, удивленно рассматривая странного человека. Высокий и худой мужчина был бледен, но, видимо, это был его естественный цвет лица. Светлые, почти белые волосы были зачесаны назад. Он бы казался флегматичным, если бы не его глаза: казалось, в них скрыта какая-то насмешка. Относилась ли она только к ней или ко всему миру, Дея не могла разобрать.

– Кто вы такой?! – спросила она.

– Это не важно, – отмахнулся незнакомец. – Гораздо важнее, кто он такой.

– О ком вы говорите?

– Не делайте глупый вид, у вас все равно не выходит, – посоветовал мужчина.

Они дошли до дверей ее подъезда. Погода совсем испортилась. Небо затянули тяжелые тучи. Очертания улицы быстро пропадали под завесой дождя.

– Быть может, вы пригласите меня на чашечку чая, и мы побеседуем? – предложил мужчина, косо смотря на разошедшийся ливень.

Дея боролась с желанием послать его ко всем чертям, но он, кажется, что-то знает о человеке, в реальности которого она до сих пор сомневалась. Впрочем, что мешает и этому странного вида мужчине оказаться галлюцинацией. Хотя в таком случае прогнать его будет тем более невозможно. Дея вздохнула и открыла дверь, пропуская вперед незнакомца. Мужчина снял шляпу и пальто. Они выглядели совершенно сухими. Мельком взглянув на комнату, он сел на диван и закинул ногу на ногу.

– А тут вполне уютно, – заметил гость.

Пес, мирно спящий рядом, настороженно поднял уши. Он недоверчиво обнюхал чужие ботинки и зарычал.

– Сидеть, – приказал незнакомец. Каспер беспрекословно выполнил команду и замер, внимательно глядя на него. Мужчина улыбнулся и взял его на руки. Молодой пес изо всех сил барахтался, пытаясь лизнуть его, но это никак не выходило. Незнакомец усадил спаниеля к себе на колени, успокаивающе поглаживая по голове. Каспер быстро разомлел и, пригревшись, уснул, пуская слюни на его темно-серые штаны, пока мужчина скучающим взглядом изучал окружающую обстановку, словно не был заинтересован в разговоре. Дея намеренно

громко закашляла, пытаясь привлечь к себе внимание. Незнакомец медленно перевел на нее свой скользкий взгляд.

– Вы нездоровы? Впрочем, при такой погоде это понятно. Выздоровливайте, – участливо проговорил он.

Дея злобно на него покосилась. В глубине изумрудных глаз мужчины продолжали гореть ехидные огоньки.

– И так... – не выдержала девушка.

– Кем бы он ни казался, он ваш враг. Вы встретили на пути опасного противника, – сказал мужчина.

– О ком вы говорите? Вы кого-то ищете? Если вы из полиции, то, будьте добры, покажите удостоверение, – попросила Дея.

Незнакомец усмехнулся.

– Если хотите, я буду из полиции, – галантно предложил он.

Дея поднялась со своего места и открыла входную дверь.

– Прошу, не задерживайте меня, – сказала она, снова вызвав улыбку незнакомца.

Он уже было открыл рот для ответа, но вдруг вздрогнул, когда комнату на мгновение осветила необычайно яркая вспышка молнии, а следом где-то глубоко в груди разорвался отклик последовавшего через мгновение грома. Мужчина встал и рванул в сторону тяжелых занавески. За окном разыгралась настоящая буря. По улице высоко над землей кругами носились опавшие листья, поднимаясь все выше к небу. Тучи закручивались в широкий темный вихрь. Гость напряженно всматривался в чернеющее небо. Не оборачиваясь, он быстро заговорил.

– Я не думал, что у нас будет так мало времени. Теперь слушайте меня. Он вскоре попытается снова встретиться с вами. Не верьте ему, ни единому слову не верьте. Обмануть вас для него не составит труда. Не поддавайтесь на его уловки, а самое лучшее – избегайте встречи с ним, и, может быть, он от вас отстанет.

– Да кто же он такой? – спросила Дея, озадаченная странным поведением гостя. – И зачем я ему?

– Вы случайно стали частью игры, которую он ведет сам с собой. Не рассчитывайте на сочувствие с его стороны. Как только он добьется своего – вы погибли.

– С чего такая забота о моей персоне? – поинтересовалась Дея.

Незнакомец отвернулся от окна. Вспышка молнии лишь на мгновение осветила его лицо. Оно показалось ей серьезным и усталым, в нем не было и тени насмешки, словно она была ему совершенно не свойственна.

– Я не знаю вас, поэтому ваша судьба мне в целом безразлична. Но он мой брат, и я не могу безучастно смотреть, как он погибает. Он ищет в боли спасение, но не находит его. Он утратил веру, хотя не может без нее жить. Он думает, что надежды больше нет, но ошибается. Она есть. Во всяком случае, должна быть.

– Я могу ему помочь, – проговорила Дея.

– Помочь?! – мрачный смех незнакомца напугал ее. – Знали бы вы, кому хотите помочь. Наивная девчонка! Вы себе и представить не можете, насколько он опасен. Он погубил множество жизней, погубит и вашу, – мужчина подошел и больно стиснул ее предплечья, заставив смотреть прямо в глаза. – Выбросьте из головы эту глупую мысль, заройте ее в глубине своего сердца и больше никому не показывайте, иначе вы погибли. Помогите лучше себе. Забудьте его и живите своей жизнью.

– Да нет у меня никакой жизни! – Дея вырвалась из его рук. – В них была вся моя жизнь, – сказала она, указывая на фотографии, стоящие на столе, – но их больше нет. И меня здесь быть не должно, – прошептала Дея, присев на кровать спиной к мужчине. Какого черта ему от нее надо? Слезы снова подступали к горлу, она часто заморгала, чтобы не расплакаться.

Гость обошел кровать и присел перед ней на корточки. Дея старалась держаться, но слезы сами катились по лицу. Мужчина достал из кармана пиджака платок и вложил в ее руку.

– Не надо плакать, – тихо проговорил он. – Каждому из нас отмерена своя доля счастья и страданий. У каждого есть свой путь, который надо пройти до конца. В конечном итоге не важно, по силам ли нам это, имеет значение только вера, что по силам. До начала испытаний никто не знает своих возможностей. Вы пережили многое, и многое еще предстоит пережить, но вы не можете сдать. У вас нет на это права. У сильных людей его никогда не было, и они прекрасно знают об этом. Вы должны верить, должны бороться, должны не только себе, но и своим родителям, своей тете, должны и ему. Вы хотели ему помочь, так помогите. Живите и покажите, что надежда всегда есть, что можно потерять все и остаться собой. Покажите ему то, чего он не видел, чего никогда не знал. Я был не прав, препятствуя вашей встрече, вы должны были решать это сами. Конечно, сейчас вы ничего не понимаете, но когда-нибудь поймете. Если вас сведет судьба, знайте, что он не всегда был таким, может быть, он сам вам об этом расскажет, если захочет. Поверьте мне, он стоит того, чтобы... Впрочем, решайте сами.

Гость поднялся, смотря в сторону окна.

– Боюсь, что мне пора уходить, – сказал он и направился к выходу.

– Сейчас опасно выходить на улицу, переждите пока хотя бы не ослабнут ветер и дождь. Вас никто не прогоняет, напротив, оставайтесь.

– Спасибо. Я бы остался, но безопаснее для вас и для меня будет, если я уйду.

Дея поднялась, чтобы проводить его.

– Прощайте, был рад познакомиться с вами, – сказал мужчина. Дее показалось, что взгляд его потеплел. Гость накинул на плечи пальто и взял в руки шляпу, перед уходом он обернулся. – Разрешите дать вам еще один совет. Знайте, что имена никогда не даются случайно. Ваше имя обладает удивительной силой: в нем соединились Бог и любовь¹. В какой бы ситуации вы не оказались, верьте ему, и оно укажет вам правильный путь.

За окном снова ослепительно сверкнула молния, от грома, казалось, содрогнулся целый дом. Внезапно входная дверь распахнулась, со всего размаху ударившись о стену. В дверном проеме, освещаемый сзади тусклой лампочкой, стоял насквозь промокший ее недавний знакомый. Он смотрел на гостя Амадеи, а светло-голубые глаза все больше наливались яростью. Он выволок брата за ворот из квартиры. Дея услышала несколько гулких ударов: судя по всему, кто-то кого-то впечатывал в стену.

Она выбежала на лестницу, но там никого не оказалось. Девушка сбежала вниз, не заметив семи этажей. На улице бушевала буря. В сумерках в воздухе носились листы бумаги и картона, серая стена мелкого дождя размывала очертания предметов, но во дворе никого не было. Ошалелая кошка выскочила из-под машины и пронеслась мимо нее в подвезд. Свитер совершенно не спасал от пронзительного ветра, по груди и спине разливался неприятный холод. Дея постояла у парадной, но никто не появился. Когда стало совсем нестерпимо, она поднялась наверх, все еще сжимая в руке зеленый платок. В голове плясал единственный вопрос: Что это было?

¹ Имя Амадея произошло от сочетания двух латинских слов: «amo» (любить) и «Deus» (Бог)

Глава III

Со смерти тети прошло ровно полгода. Дея шла на ее могилу, а из большого пакета, который она несла в руках, торчала зеленая верхушка деревца. Это был саженец вишни, Анна Андреевна очень любила ее. Они часто с Деей гуляли в лесу, где у них было свое секретное место. Чтобы попасть туда, надо было идти не по протоптанной дорожке, а свернуть на маленькую, прикрытую лапой ели, тропинку и пройти по ней до березового бревна, перекинутого через ручеек, за которым росло прекрасное старое дерево.

Дикая вишня, случайно ли занесенная или намеренно кем-то посаженная, была для них местом совместных мечтаний. Весной, когда она распускалась маленькими белыми цветами, в ее ветвях пели птицы, которых Дея, как ни старалась, не могла разглядеть в пышной кроне, но всегда чувствовала взгляд маленьких, любопытных глазок. В начале прошлой осени, за несколько месяцев до смерти Анны Андреевны, кто-то срубил бедную вишню, вместо великолепного дерева остался кривой пенек. Тетя больше не приходила в этот лес, чтобы не видеть напоминания о бессмысленно загубленном прекрасном дереве.

Теперь она всегда сможет любоваться подрастающим деревцем, которое когда-нибудь станет таким же могучим и прекрасным как ее любимая вишня. Скоро прилетят и птички, чтобы полакомиться вкусными ягодами и составят ей компанию.

Когда Дея закончила, был уже вечер. Солнце, пытавшееся пробиться весь день сквозь тучи, устало падало за горизонт, заметно похолодало. Деревья над могилами зашебуршали длинными листьями, напоминая, что пора уходить.

– Прощай, я приду к тебе завтра, – пообещала Дея, но еще долго смотрела на темный крест с черно-белой фотографией. – Прощай, – наконец сказала она, когда охранник кладбища недовольно загремел ключами.

Дея прошла вдоль парка, которым кончалось кладбище, и очутилась в лабиринте узких улиц. Люди торопились домой, подняв воротники пальто и придерживая капюшоны, которые сдувал ветер. Она одна никуда не спешила. Ей было не к кому идти. Дея брела по улице, заглядывая в пыльные витрины закрытых магазинов. Из темноты одной из них на нее взирали старые вещи. Она знала эту лавочку. Ее держал неприятного вида старик. Почти все вещи здесь принадлежали умершим или разорившимся людям и продавались за бесценок.

Ей почему-то всегда было больно видеть, как за гроши продают чужие вещи, не зная их истинной цены. Эти вещи хранят следы своего хозяина, они помнят ласковые руки, они единственные знали его настоящего. А теперь хозяин мертв, и вещи, оживавшие в его руках, тоже мертвы. Новым хозяевам они не нужны, оттого они и пылятся в этой старой лавчонке. Людей теперь интересуют деньги, машины, но не музыка, не книги. Они, по-видимому, были целым миром для человека, а теперь стали ничем. Казалось, если бы они умели плакать, то древесина скрипки давно бы сочилась кристальными слезами, падающими на бесприютно сжавшиеся книги. Память приносит столько боли, но именно она делает человека человеком.

Дея провела ладонью по стеклу грязной витрины. На лакированной деке скрипки виднелись потертости и трещины, она была старой, но обращались с ней бережно. Старинные часы висели посередине композиции – сломанные, остановившиеся, никому не нужные, как и их прежний владелец. Кукушка испуганно выглядывала из-за успевшей приоткрыться только наполовину и заклинившей дверцы. Круглый маятник внизу украшало небольшое расписанное зеркальце, которое в погожий день при движении, должно быть, пускало бы резвых солнечных зайчиков по всей улице.

Дея замерла, когда в глубине зеркала загорелись две маленькие синие точки. Они приближались, и в каждой по центру появилась темная пустота. На секунду они скрылись и появились вновь. Дея спиной уловила чье-то присутствие. Она обернулась, но никого не увидела.

Огоньки пропали, однако пробужденные в памяти воспоминания заиграли с прежней силой. Только что она поняла, что до боли хочет снова увидеть эти глаза. Это было какое-то странное ощущение, подобное тому, когда ты просыпаешься и помнишь только один образ из сна, который вызывает у тебя невероятно сильные эмоции, ты стремишься вспомнить, что же было там такого, что так глубоко запало в душу, но не можешь. Приятное чувство разливается по всему телу, но что стало его источником, остается загадкой, закрытой в тайных глубинах подсознания.

Занятая собственными мыслями, Дея не заметила, как ноги вынесли ее на набережную. Река, освободившись от оков, гнала серые льдины в сторону моря. Она остановилась на том месте, где он упал без сознания. Именно здесь она видела его в последний раз свободного, не скалящего зубы, а просто израненного и уставшего. Она смотрела туда, куда смотрел он: на темную, бурлящую под ногами воду. Что он увидел в ее глубине? И взгляд у нее был в точности как у него: он не выражал определенной эмоции, чтобы понять этот взгляд надо прожить жизнь за человека. Дея казалось, что она поняла какую-то часть его души. Поняла, что причина, сделавшая его таким, была более чем жестокой.

Дея всматривалась в чернеющие волны. Вода ее всегда пугала: она не умела плавать, поэтому вынуждена была всегда держаться от нее на почтительном расстоянии. Она обрадовалась, словно старому другу, ласточке, которая, сделав виток в вечернем небе, снизилась, чтобы попасть в свой домик, расположенный на противоположном берегу почти над самыми волнами. Дея ее не видела целую зиму. Храбрая птица с невыразимым изяществом коснулась тонким крылом водной глади, но черная лапа волны схватила ее и утащила за собой в реку. Белая грудка еще несколько раз мелькнула на поверхности, уносимая все дальше бурлящим потоком. Дея следила за ней, до последнего момента надеясь, что птица сможет вырваться, но нет, она даже перестала сопротивляться. При виде этого внутри у Деи словно что-то оборвалось. Больше не было ни боли, ни страха, ничего. И это «ничего» было гораздо хуже, чем то и другое вместе взятое.

Вопрос «зачем?» стал для нее неразрешимым и самым большим. Казалось, отыщи она на него ответ, ее жизнь сразу изменится, больше не будет этой тупой безысходности, мучительной апатии и болезненного безразличия ко всему. Но ответа не было. Как не было и того, кто мог бы показать ей выход.

Неужели все так и закончится? Жизнь удерживала ее на последней ниточке угасавшей надежды. Она ничего в своей жизни не успела, все эти годы прошли так жестоко и бестолково, словно ее историю писал кто-то психически больной, но что-то всегда удерживало ее. Теперь же она более не чувствовала этой связующей нити. Никто – страшное слово – никто не держал ее. Это была абсолютная свобода. Она могла делать что угодно. Убийственная свобода. Вдруг она поняла, что теперь может совершить то, о чем раньше никогда бы всерьез не подумала. Она обратила последнюю просьбу к тому, в кого больше не верила. Она просила помощи, просила поддержки, просила чуда. Но ничего не произошло. Никто не пришел.

Дея перекинула ногу через решетку, становясь по ту сторону ограды. В этой жизни у нее осталась только сама жизнь, и та была ей в тягость. У других людей есть хоть что-то, что держит их в этом мире, у нее же нет ничего. Она взялась руками за перила и слегка качнулась в сторону воды, нависая над темнеющими волнами. Холодный ветер обдувал влажные щеки. Никто не пришел. Никто не придет. У ее истории не будет счастливого конца. Сейчас она спрыгнет и от этого ничего не изменится в этом мире. Ни один человек не заплачет по ней, ни один не поинтересуется, что с нею случилось. Осталось только разжать пальцы и долгожданная тишина. Жизнь ей давно не приносила радости, но что-то внутри нее заставляло двигаться дальше, заставляло вставать каждое утро, заставляло поступать правильно.

Вот и теперь это чувство спокойно и адекватно интересовалось, что она, черт возьми, делает, но ее захватили другие ощущения. Она уже ощущала свободу полета и мягкую темноту,

без боли и воспоминаний. Она наконец-то уйдет на дно. Так, наверное, и должно было быть, раз жизнь упорно этого добивалась. Там ее место. Дея устала бороться, она всегда знала, что когда-то проиграет. Быть может, сейчас тот самый момент покориться и просто отпустить руки? Она прикрыла глаза, подставляя лицо ночному ветру, вдохнула в себя эту частицу ночи и...

– Долго раскачиваешься.

– Чего? – она опешила, крепче сжав руками поручень.

– Я говорю, долго раскачиваешься, если уж решила прыгать, так прыгай, – будничным тоном ответил ей человек, встречи с которым она ждала полгода. Примерно с таким же недовольным лицом водитель автобуса прикрикивает на недопассажира, рассматривающего его через открытые двери и не решающегося войти.

У Деи даже дар речи пропал от такой наглости. Прыгать резко перехотелось. А вот желание врезать кое-кому по физиономии с каждой секундой становилось все сильнее. Она развернулась, чтобы перелезть обратно, но нога слетела со скользкого мрамора, и, ударившись головой об ограду, Дея полетела вниз, пытаясь зацепиться за ускользавшие перила. Мужчина схватил ее за руку и втащил обратно на набережную. Нестерпимо горячие ладони жгли ее даже через рукава пальто. От удара перед глазами плавали темные пятна. Земля подозрительно танцевала под ногами.

– Пусти, – сказала Дея. Как же она его ненавидела. Заявился, придурок. Ты был нужен полчаса назад, но не сейчас.

– Самоубийц не пускают в Рай, – заметил он, продолжая больно сжимать ее плечи.

– А убийц? – спросила Дея.

– Как ты узнала? – спросил он. Что это? Испуг? Растерянность? Он на мгновение ослабил хватку, и Дея успела вырваться.

– Что узнала? Я вообще-то сидела тем вечером рядом на скамейке, – ответила девушка, отходя на безопасное расстояние. Ей показалось, или он облегченно выдохнул? Земля опять начала вертеться без предупреждения и Дея оказалась лежащей на мостовой. Она прикрыла глаза, стараясь силой воли заставить мир, кружащийся вокруг нее остановиться.

Он поднял ее на руки и куда-то понес. Дея пыталась отпихиваться, но выходило как-то уж совсем беззащитно. Она ненадолго замерла и, собрав силы, попыталась вывернуться из его рук. От неожиданности мужчина чуть ее не выронил, но, прорычав что-то сквозь зубы, сумел удержать. Он ее усадил на переднее сидение машины и с хрустом всадил дверь обратно так, что машина едва не развалилась. Дея попыталась открыть дверь, но та не поддавалась, тем временем мужчина уже сел на водительское сидение и завел машину, а после разогнал ее до дикой скорости, чтобы у Деи даже мысли не возникло попробовать выйти.

Глава IV

Они ехали по извилистой дороге. Слева ее подпирали отвесные скалы, а справа она кончалась обрывом, за которым виднелось бушующее море. Свежий морской ветер врывается в окно, играя с прядями распущенных волос. Мужчина молча следил за дорогой, упорно не обращая внимания на ее взгляды, полные неприкрытой ненависти.

– Если бы можно было испепелять взглядом, то от меня давно осталась бы лишь горстка пепла, – заметил он.

– Куда ты меня везешь? Зачем я тебе? Кто ты вообще такой?

– Ах, точно. Мы же еще официально не знакомы. Хотя братишка, наверное, успел тебе что-то рассказать. Меня зовут Люцифер, – он демонстративно протянул ей руку для пожатия, которую она резко отпихнула. На несколько секунд машина, вышедшая из-под контроля, завиляла по неровной дороге.

– Если будешь вести себя подобным образом, я отвезу тебя обратно к реке и самолично утоплю, – пообещал он.

– Придурок, – не сдавалась Дея.

– Больше предупреждать не буду.

– Бе-бе-бе, – долетело до него. Дея отвернулась к окну, передразнивая его выражение лица. Люцифер закатил глаза.

– Я хочу показать тебе одно место, – примирительным тоном сообщил он, стараясь не обращать внимания на ее лицо, – и поговорить.

– Поговорить?! Возможно, ты в своей извращенной логике можешь допустить, что я добровольно хоть на секунду задержусь рядом с тобой, но знай, что твои планы коренным образом расходятся с моими. Я не намерена оставаться в твоём обществе, – отрезала Дея.

– Прошлой ночью мое общество казалось тебе единственным спасением, – заметил он.

Дея отвернулась. Он был прав, но она не собиралась сообщать ему об этом. Полгода она искала его везде, где только можно. А теперь он заявился, посмеялся над ее болью, как ни в чем ни бывало, упибал в свою машину и везет куда-то. Как будто так и надо.

– Пошел к черту. Ты человека убил.

Люцифер засмеялся.

– Это был далеко не первый, – ответил он. – И на твоём месте я бы вел себя повежливее, потому что твою шею я даже не почувствую под своей рукой.

– Я лучше умру, чем останусь с тобой по собственной воле, – заявила Дея, с вызовом смотря на его до чёрта правильные черты лица. Она невольно отшатнулась, когда увидела его глаза. Голубые, привычно холодные они совершенно посветлели, полыхая изнутри яростным светом. Где-то в глубине души она успела пожалеть о сказанном, но было уже поздно.

Машина, проломив железную ограду, летела напрямик в море, которое высокими пенястыми волнами давно пыталось до них добраться. Тяжелый удар об воду заставил ее забыться на несколько мгновений. Когда она опомнилась, крыша машины уже ушла под воду.

– Ты ненормальный псих, – закричала она. Дея попыталась дрожащими руками открыть дверь, но та не поддавалась.

– Ничего не выйдет, вода давит снаружи, – будничным тоном сообщил он, наблюдая за ее стараниями.

– Что ты ухмыляешься? Ты нас утопишь, придурок! – она дико озиралась по сторонам, в бессмысленной попытке найти выход.

– В чем дело? Ты же сказала, что лучше умрешь, чем разделишь мое общество. Так чем ты опять не довольна? – мрачно поинтересовался он.

– Пошел к черту! – бросила она, перелезая на заднее сидение и пытаясь открыть, а потом и выбить, задние двери.

– Я думаю, что тебе стоит перестать игнорировать меня, так как я – твой единственный путь к спасению, – заметил он.

– А я думаю. Что. Пошел бы. Ты. К черту, – огрызнулась она, пытаясь выбить ногой окно.

Дальнейшему развитию событий помешала вода, хлынувшая внутрь из нескольких окон, враз треснувших из-за большого давления. В потоке бившей отовсюду воды, Дея почувствовала, как кто-то схватил ее за рубашку и рывком выпихнул из машины. Проведя в свободном плавании и полном непонимании происходящего несколько секунд, она была снова поймана его рукой. Дея начала осознавать происходящее только когда поняла, что он твердо стоит в воде по грудь и держит ее на руках. Она, зажмурившись, вжалась в его шею, не в силах разнять руки.

– Отпусти меня, – пискнула она, прекрасно понимая, что сама в него вцепилась, как в спасательный круг. Люцифер закатил глаза и разжал руки. Дея плюхнулась в воду, а он устало поплыл к берегу. Не далеко, сама дойдет.

Волны били в спину, словно выпроваживая из своих владений незваных гостей. Люцифер уже ступил на влажный прибрежный песок, когда ветер донес до него испуганный вскрик, резко заглушенный в шуме волн.

Он бросился туда, где только что мелькнула ее рука. Волны вставали стеной, не желая пропускать его обратно. Соленая вода била в лицо. Ему казалось, что он барахтается на одном месте. Люцифер нырнул, но в темной мутной воде не видел собственных рук. Он выплыл обратно, в надежде, что она снова окажется на поверхности. Он не знал, сколько времени прошло. Быть может, она уже погибла. По его вине. Сердце бешено билось, он пытался собраться и не поддаваться панике.

Внезапно в нескольких метрах от него, под водой, рядом с поверхностью мелькнуло что-то белое. Он нырнул следом. Проклиная все на свете, и себя в первую очередь, он рыскал в мутной воде. Его сердце каждый раз счастливо замирало, когда что-то мягкое касалось его руки, но это были всего лишь водоросли. По ощущениям он уже приплыл на то место, где в последний раз видел ее. Он уже отчаялся найти ее. Прошло слишком много времени, даже если он найдет ее, будет поздно. Его мысли прервало скользящее прикосновение к плечу. Сердце снова радостно вздрогнуло, но он сдержал его порыв.

– Снова водоросли, – в отчаянии подумал он и протянул руку, чтобы убедиться в своей правоте, но коснувшись другой холодной руки, резко притянул ее к себе, выходя на поверхность.

Упрямая, безрассудная девчонка! Он вынес ее на берег и уложил на песок. Руки дрожали и не слушались. Он перевернул ее лицом книзу, помогая легким избавиться от воды. Она не дышала. Он несколько раз надавил на грудь, пытаясь заставить злополучное сердце снова биться. Какие же люди хрупкие. Он наклонился к ее лицу, чтобы начать делать искусственное дыхание, но она очнулась и закашлялась.

– Убери от меня... свои руки, – прошептала она, пытаясь отдышаться и отпихнуть его от себя.

Радостное выражение его лица вмиг сменилось маской холодной отчужденности.

– Пожалуйста, – сипло бросил Люцифер и ушел на противоположный конец пляжа.

Дея приподнялась на локтях, всё еще жадно глотая воздух, и пытаясь отдышаться. Они оказались зажаты между отвесной скалой и бушующим морем. Дея понятия не имела, как будет выбираться. Высокая каменная стена образовывала маленькую бухту с небольшой песчаной полоской, служившей для них в этот вечер единственным пристанищем.

Над морем опускалась ночь. Последние отблески заката холодно прощались с побережьем. Мокрая одежда неприятно прилипала к телу, не позволяя согреться. От ночного холодного ветра некуда было спрятаться. Дея присела на песок между скалой и небольшим камнем,

который хоть немного, но защищал от пронизывающего ветра. Она прикрыла уставшие глаза, пытаясь забыться сном, хотя бы на несколько часов. После большого напряжения тело казалось тяжелым и неподъемным. Дея вжалась в остывший песок, обхватив себя руками, но назойливый холод не позволял явиться долгожданному отдыху, нагло врываясь даже в беспокойные сновидения. Каждую секунду она чувствовала его, и даже забывшись тревожным сном, пыталась найти, чем укрыться. Ей снился камин, но огонь не грел ее, она закуталась в одеяло, но оно было таким же холодным, как камень. Пытаясь разобраться, отчего это происходит она вновь и вновь обращалась мыслями к тому, где она находится на самом деле. Потом, несколько минут послушав унылое завывание ветра и монотонный плеск волн, она проваливалась в новый сон, в котором снова не могла найти отдохновения. Однако некоторое время спустя беспокойный сон перешел в более размеренный и счастливый. Она даже, наконец, согрелась.

Дея проснулась около середины ночи. По спине разливалось приятное тепло. Неосознанно она перевернулась на другой бок, лицом к источнику тепла и машинально подтянула на плечо укрывавшую ее ткань. На несколько минут она в неге прикрыла глаза, досматривая хороший сон, но прорвавшаяся сквозь счастливое забытие мысль заставила ее резко проснуться. Дея открыла глаза. Рядом горел костер, а на плечах ее лежала темная рубашка.

Люцифер сидел напротив и отстраненно наблюдал за игрой языков пламени. Казалось, что мыслями он был далеко и совсем не заметил ее пробуждения. Его глаза в темноте ночи казались еще глубже и задумчивее, чем обычно, а теплые искры от костра, мерцали на них множеством бликов, словно россыпи далеких звезд. Он был бледен, несмотря на багряные всполохи, отбрасываемые пламенем на его лицо. Тени, залегшие под глазами, глубокая складка между бровей и плотно сомкнутые губы выдавали смертельную усталость и нерадостные мысли.

– Не отгалкивай меня, – едва слышно прошептал он, – пожалуйста.

Дея вздрогнула и удивленно посмотрела на него. Если бы с ней заговорила мраморная статуя, она бы меньше удивилась. Он сейчас казался таким далеким, словно не принадлежал этому миру. Она чувствовала, что он роется в глубине себя, в своей душе. Он как будто что-то потерял и теперь не может найти. Он выглядел растерянным. От чего-то она почувствовала себя перед ним виноватой, словно сделала что-то такое, что глубоко ранило его. Дея подошла к нему и аккуратно обняла со спины.

Люцифер едва заметно вздрогнул и замер, но не отшатнулся. Его спина и грудь были холодными. Дее стало стыдно после всего сделанного, что она греется в его рубашке, а сам он мерзнет. Она сделала попытку снять ее со своих плеч, но он зажал ее руки в своих, прижимая к груди, не позволяя разомкнуть объятья.

– Не надо, оставь, – хрипло попросил он. Дея удивленно посмотрела на его лицо. Он тихо улыбался. Она невольно залюбовалась красивым изгибом губ. Она раньше не замечала, что он настолько красив. Раньше его красота была какой-то холодной, равнодушной, она не вызывала душевной привязанности, теперь же Дея увидела впервые ее живое проявление. Он сейчас кажется счастливым. Но от чего?

Дея прикрыла глаза и уперлась лбом в его спину, ощущая, как под ладонью часто бьется его сердце. Шум волн больше не внушал тревоги. Впервые за долгое время ее не терзали тяжелые мысли. Она сильнее прижалась к нему и совершенно ни о чем не думая, прислушивалась к тихому шелесту волн и потрескиванию костра. В расслабленное сознание начали проникать неясные образы. Вскоре они сложились в яркую реалистичную картинку. Это был сон, но как будто бы чужой, словно ей позволили лишь присутствовать при нем.

1.

Яркий свет заливал белый зал, окруженный полукруглой колоннадой. Невозможно было понять, откуда исходил этот слепящий свет, казалось, его излучало всё вокруг. Маленький мальчик сидел на белом песке и, набирая в ручонку небольшие горсти, наблюдал, как мелкие

камушки медленно сочатся сквозь пальцы. Несмотря на небольшой возраст, льдисто-голубые глаза его были серьезны. Он задумчиво рассматривал этот мир, подмечая каждую деталь.

На распахнутой под белой рубашкой груди мерно покачивался кристалл, излучавший, как и глаза мальчика, холодное синее сияние. Светлые волосы ребенка своим цветом напоминали заснеженное пшеничное поле. Вскочив на ноги, малыш выбежал из зала, распахнув на бегу белые, как и все кругом, крылья.

2.

Большой продолговатый зал, некое подобие библиотеки. Мальчишки с блестящими глазами слушают спокойно летающего взад и вперед темноволосого ангела. Мелкие морщинки легко тронули его еще молодое лицо. Его глаза привыкли улыбаться, однако в светло-серой радужке запечатлелось не только счастье, но и грустная мудрость, тихий отпечаток которой могла оставить лишь долгая жизнь.

Только один мальчик, выделявшийся среди сверстников тихим серебряным сиянием волос, забыв о старшем ангеле, вселявшем каждому чувство благоговения, скучающим взором рассматривал лежащие перед ним свитки. Что-то привлекло его внимание, и он, забыв об окружающих, внимательно рассматривал выпавший из стопки свитков листок. Это был небольшой набросок, который явно выделялся среди прочего учебного материала своим свежим видом, и, по-видимому, попал в него совершенно случайно.

На первый взгляд на рисунке был изображен ангел, но почему-то ему забыли дорисовать крылья. Мальчик заметил, что и черты лица этого существа не обладали той неисправимой правильностью, присущей всем приближенным Бога. Интерес пропал, и, скомкав листок, мальчик откинул его в гору лежащих рядом свитков и наконец-таки удостоил учителя взглядом своих голубых глаз.

3.

Семь старших ангелов явились по первому зову Создателя и в жесте немого благоговения склонили свои головы. Ни один из них не решался поднять глаз. Источник Света, начало и конец сущего, Он был центром Вселенной, ее душой и содержанием. Тонкие, полупрозрачные стены Великого Храма с белоснежными прожилками, напоминавшими крылья бабочки, едва сдерживали исходящий от Него свет. Каждая грань издавала тихое радужное сияние, игравшее цветными бликами на прекрасных лицах архангелов. Здание каждой своей чертой стремилось ввысь и, казалось, вот-вот оторвется от земли и вспорхнет в небо.

– Сыны мои, – мягкий голос звучал внутри каждого ангела, сердце радостно трепетало, ощущая ни с чем несравнимое всеохватное счастье. – Я призвал вас для того, чтобы представить вам ваших братьев. Преклоните колени в знак готовности служить и оберегать этих существ, пока они не освоятся с новым миром, ведь им предстоит научиться жить в ладу и согласии с ним.

Обернувшись, ангелы увидели существ, похожих на себя, но вместе с тем и очень отличающихся. Лишенные изящества, они двигались шумно и неуклюже, по сравнению с невесомыми ангелами. В глазах их буйно метался огонь жизни и ради него они могли пойти на многое. Не было того тихого и гордого спокойствия, которое хранила каждая черта лица ангела. Сердце их легко поддавалось малейшему влиянию чувств и способно было утянуть их в самую глубокую бездну. Противоречивость и непостоянство были их сущностью. Восхищенная улыбка сползла с семи идеальных лиц, но, несмотря ни на что, четыре ангела опустили на колени перед еще неизвестными существами.

Одному из архангелов не давала покоя мысль, что нечто подобное он уже видел. Из недр памяти медленно всплывали неясные образы: запах старого пергамента, ровные ряды идеально выведенных букв, речи наставника и... выпавший листок! Точно. Вот где он их уже видел – на том рисунке, который посчитал чей-то неумелой работой. Невозможно. Нет.

Он чувствовал исходившую от них угрозу. По спине пробежал неприятный холодок плохого предчувствия. Ангел посмотрел на остальных, неужели они не видят того же? Два архангела все еще растерянно смотрели на новое творение.

– Отец одарит их своей любовью, равно как и нас, он будет всегда открыт для их сердца. Но Тьма давно ищет любую самую узкую лазейку, чтобы подавить несносное сияние Света. Нельзя допустить, чтобы из-за слабости этих несчастных созданий пострадало все сущее. Ходят легенды, что в прошлый раз мир был разрушен до основания и сам Он едва не погиб. Эти существа слабы и немощны, их чувства уже раздирают их изнутри! Да они не то что с миром, в ладу друг с другом жить не смогут!

Из задумчивости ангела вывел все тот же мягкий, но незнакомо холодный голос.

– Неужели ты, Люцифер, сын Зари, посмеешь меня ослушаться? Неужели ты думаешь, что знаешь будущее лучше меня? Склони голову, сын мой и я прошу твои неосторожные мысли.

Люцифер медлил. Он заметил, что на коленях стоят уже шесть архангелов. Гордый ангел взглянул на людей, не скрывая презрения. До этого момента он склонял свою голову только перед всемогущим Отцом. Почему он – Сын Зари, Хранитель Света, первый среди ангелов – должен кланяться этим существам, которые неизмеримо ниже его? Как мог Он такое допустить? Люцифер пытался найти подтверждение того, что перед ним столь же достойные существа, как и он сам, но не мог.

Люди стояли с блаженной улыбкой – не иначе, слышали обращенные к ним речи Создателя. Все взгляды обратились на Люцифера. Ему показалось, или они с легким оттенком превосходства ожидали как само собой разумеющееся, что он также преклонит колени и будет им служить? Откуда в них эта уверенность, что они хозяева всему?

Люцифер понял, что молчание затянулось. Так дальше продолжаться не может, надо что-то сделать. Он попытался собрать ворох мыслей в единую нить. Надо как-то объяснить Отцу, что это ошибка. К горлу неприятно подступила горечь, он почувствовал неизъяснимую боль потери, как будто он уже ничего не в силах изменить. Тряхнув головой, он попытался отогнать наваждение.

Почему вдруг они поставлены на один уровень с главными ангелами, наиболее близкими Богу существами? Почему Он хочет одарить своей любовью кого-то, кроме ангелов, которые всеми силами ему служат? За что? И главное, кого? Этим слабым, похотливым существам, которые сразу вызывают сильное презрение и неприязнь. Да неужели это не шутка?

– Отец мой, услышь меня! Ты ошибся в этих существах! Я чувствую их слабость. Они слабы и ненадежны, Отец! Ты ведь знаешь, что Зло использует малейшую щель, чтобы добраться до Тебя, чтобы разрушить наш мир! Посмотри на них, они не способны противостоять ему. Я клянусь, что докажу Тебе это. Если понадобится, я ослушаюсь Тебя, но, не допущу, чтобы они причинили Тебе вред. Они не достойны ни Твоей любви, ни нашей службы, – проговорил он.

– Как посмел ты, Люцифер, пойти против моей воли? Или ты решил, что мудрее меня и способен занять мое место?

– Почему он гневается на меня? – недоумевал Люцифер. – Еще и отчитывает как мальчишку перед архангелами! Я Хранитель Света, а не слуга.

– Может и способен, – с вызовом ответил Люцифер. Голубые глаза полыхали огнем гнева и обиды. – Раз я вижу то, чего не видишь ты.

Вмиг от великолепия резных стен дворца остались руины. Гнев Создателя был готов обрушиться на голову гордого ангела. Страх мелькнул в глазах Люцифера, но тут же был отринут как недостойное чувство. Он стоял прямо, стойко борясь с разрушительной волной, а сердце внутри в ужасе билось о стенки грудной клетки.

На миг Люцифер отважился поднять на Него глаза, за что сразу поплатился, рухнув на колени, зажимая дрожащими руками лицо. За этот миг он успел взглянуть лишь в такие же, как у него самого, глаза цвета чистого и холодного льда. Он не увидел в них гнева, только боль.

– Ты знаешь, что клятвы, произнесенные передо мной, необходимо исполнять, Люцифер, – все еще грозный голос внезапно потускнел, – но ты не сможешь вернуться домой, пока не получишь прощения от всех, кого заставил страдать. До тех же пор скитайся во мраке.

4.

– Михаил! – позвал грозный голос. Высокий широкоплечий ангел склонил голову в знак того, что слушает. Медленно кивнув прозвучавшему в голове приказу, он двинулся в сторону осевшего на пол Люцифера.

– Вставай, предатель, и отвечай за свои слова, – пророкотал Михаил.

Люцифер не знал, откуда у него нашлись силы встать, на миг ему показалась, что чья-то невидимая рука поддержала его. Продлись это еще секунду, и он вновь бы бессильно повалился на пол. Пелена плотно застилала глаза, он на слух повернул лицо в сторону чужого голоса, гремевшего тяжелым эхом в голове. Предатель? Михаил занес над ним широкий меч.

Лишь почуввав спиной легкий порыв ветра, встревоженного легендарным клинком, Люцифер инстинктивно сжался, но не двинулся с места. Откуда-то словно издали раздался ужасающий крик, который с каждой секундой становился все невыносимее. Казалось, в нем слилась вся боль души и тела, которую только может почувствовать живое существо. Люцифер был готов отдать что угодно, лишь бы не слышать его. Только когда тело коснулось холодного мрамора пола, он понял: это был его собственный крик.

И тогда он почувствовал. Каждым миллиметром тела почувствовал такую боль, что, казалось, душу разорвали на две части. Он закричал, но из груди вырывался лишь хрип. Поблекшие зрачки полностью закрыли собой радужку. Он не смог сделать ни единого вдоха. Сознание покинуло его.

5.

– Он точно жив? У него лицо совсем посерело.

– Жив. Но я не знаю, что лучше: это или смерть.

Блуждавшее дотопе в собственной тьме сознание ухватилось за слова как за спасительную нить. Люцифер прилагал серьезные усилия, чтобы поймать каждое слово и не потеряться вновь, опасаясь, что в следующий раз уже не сможет вернуться. Он сжал челюсти и почувствовал, как с лица отхлынула кровь, но удержался в сознании, цепляясь за звуки чужого голоса.

– Смотри, он, кажется, очнулся, – взволнованно прошептал один голос.

– Тише, подай мне вон ту бутылку, он не должен приходить в сознание, еще слишком рано, он не выдержит, – ответил второй.

К губам прислонили что-то холодное. Люцифер с усилием сжал губы и отвернулся. Он боялся снова потеряться в этой жуткой темноте, боялся, что не сможет вновь отыскать этот маленький огонек, который вывел его к свету в прошлый раз. Чьи-то руки сжали подбородок и вернули голову в обратное положение. Через силу кто-то влил в рот горькую жидкость. Он едва не захлебнулся.

– Прекрати, Люцифер, ты делаешь себе же хуже, – прошипел рядом знакомый голос. Он никак не мог вспомнить, кому он принадлежит. Люцифер схватил руку, которая влила остатки жидкости в его горло. От резкого движения перед глазами снова все поплыло. Сознание упорно ускользало от него, не желая иметь с этой реальностью ничего общего. Рука безвольно упала на место.

Чье-то холодное касание заставило его вновь очнуться. Кто-то осматривал рану на спине. На уровне подсознания маячила мысль, что если он дотронется сильнее, то снова будет невыносимая боль. Люцифер повел плечами, пытаясь оценить их состояние. Каждый вдох отдавался

болью, но по сравнению с тем, что он чувствовал в прошлый раз, это была ерунда, причинявшая разве что небольшое беспокойство.

– Как ты? – опять этот голос. Такой знакомый.

– Аст? – удивленно прохрипел Люцифер. Сухие, израненные губы плохо слушались хозяйина.

– Да. Как ты себя чувствуешь? – спросил Астарот.

– Бывало... и лучше, – прошептал Люцифер.

Он поднес руку к лицу и нащупал повязку на глазах.

– Еще рано, оставь. Постарайся поспать еще немного, тебе станет легче, – посоветовал Аст. На плечи легло что-то прохладное и мокрое. На некоторое время боль утихла, и Люцифер смог заснуть.

6.

На этот раз он проснулся сам. Кругом было тихо. Дышалось спокойно, он не чувствовал боли, но в каждую секунду ожидал ее возвращения. Люцифер поднял руку и стянул с глаз повязку. Темнота. Он ничего не видел. Болезненный вздох вырвался из его груди, отдавшись болью в спине.

– Здесь всегда темно, а зрение к тебе вернется, – отозвался тихий бархатный голос.

– Аст... где мы? – друг молчал. – Аст? – настойчиво повторил он.

– Я не знаю, Люцифер. Могу только сказать, что мы долго падали и, судя по всему, находимся на самом дне этого мира.

Из темноты начали появляться серые, и красные пятна. Затем и это невеликое разнообразие красок заслонила темная фигура. Люцифер попытался сфокусироваться.

– Кто это? – спросил он, моргая и пытаясь согнать с глаз пелену.

– Это я, Везельвул, – пробасил старый товарищ. Большие руки аккуратно сгребли его в охапку, – я рад, что тебе лучше.

Люцифер едва сдержался, чтобы не поморщиться и выдавил из себя улыбку.

– Я тоже рад видеть вас обоих.

Он оперся на руку, пытаясь сесть, но рука подогнулась, и он начал падать обратно. Большие теплые ладони удержали его за предплечья и помогли принять вертикальное положение. Люцифер прислонился головой к холодному камню, слегка выгнувшись, чтобы не прикасаться к нему спиной.

Картинка становилась все более четкой, но вокруг было действительно темно. Он уже смог различить громадные серые глыбы, нависающие над ним со всех сторон. На них играли красные дрожащие блики. Вдали блестели размытые оранжевые змейки, собиравшиеся в большую паутину. Повсюду чернели трещины и расщелины.

Люцифер испытующе посмотрел на товарищей, чем красноречиво дал понять, что ждет объяснений, как они тут оказались. Он все еще не мог различить черты их лица. Перед ним по-прежнему стояли две расплывающиеся фигуры.

– Нам люди тоже не понравились, – начал Астарот, – но мы все же повиновались.

– Мы не могли иначе, Люцифер, пойми нас, – откликнулся Везельвул. Люцифер заторможено кивнул. – Но когда ты... в общем... когда сказал то, что сказал... мы растерялись, – проговорил Везельвул и опустил голову.

– Мы должны были стоять рядом, мы всегда встречали опасность вместе, но... Люцифер, я впервые в жизни не знаю, где истина, – сказал Астарот. – Когда Михаил занес свой меч, мы не выдержали, но было поздно. Ты лежал весь в крови, а нас схватили Гавриил с Рафаилом. Михаил потащил тебя куда-то, и нас почему-то отпустили. Мы побежали вслед за ним, но застали его уже одного. Он стоял на самом краю Эдема и смотрел куда-то вниз. Везельвул прыгнул следом и полетел за тобой. Я схватил за ворот Михаила и пытался узнать, что он с тобой сделал, но он не обращал на меня внимания и только беспрестанно бубнил «мне

приказали», не отрывая взгляда от бездны, лежащей под нашими ногами. Я отшвырнул его и бросился следом за Везельвулом, – договорил Аст.

– Я поймал тебя уже у самой земли, и мы оказались в полной темноте, – продолжал Везельвул. – Я с размаху налетел на что-то и выбил крыло. На какое-то время наше падение замедлилось, но там было нечем дышать. Воздух был густым и почти осязаемым, но вскоре мы начали падать с прежней скоростью. Я не мог выровняться, одно крыло не справлялось с двойным весом, мы только кружились с бешеной скоростью и неминуемо должны были разбиться. Аст подхватил нас, но не смог удержать такой вес и лишь замедлил падение.

– Приземлились мы, мягко говоря, неудачно. Тебе как всегда повезло больше всех, ты собрал спиной все камни вон той горы и съехал вниз в одну из расщелин. Везельвул упал к подножию горы. А я, чудом миновав выступы скалы, после нескольких кувырков упал в озеро.

Астарот поймал тяжелый взгляд Люцифера. К нему начало возвращаться зрение, и он уже несколько минут разглядывал их и, кажется, не слушал.

Открытое мужественное лицо Везельвула было бледным и измученным, под глазами залегли глубокие тени. Ожог на правой стороне лица расползлся от уха до переносицы. Ресницы и волосы обожжены. Потемневшие крылья со сломанными перьями были перевязаны от спины через грудь темной широкой лентой. Люцифер задержал свой взгляд на подозрительном провале в нижней части груди, который не могла скрыть даже ткань. Везельвул скрестил руки, пытаясь прикрыть сломанные ребра.

Астарот спрятал за спину обгоревшие крылья. По его лицу, испещренному мелкими рубцами, наискось через левый глаз протянулся багровый шрам. Правой рукой Аст действовал с опаской, невольно морщась при каждом резком движении. Иногда он подолгу не мог сфокусировать взгляд на одном предмете и часто моргал, видимо прогоняя подступающую пелену. Он говорил еще медленнее, чем обычно, и, казалось, не без труда подбирая слова.

Аст напрягся и потерял нить разговора. Он замер под взглядом Люцифера. В голубых глазах, казавшихся темно-сапфировыми на фоне пепельно-белого лица, он увидел смесь боли, отчаяния и чувства вины. А еще гнев, глубокий, но бессильный. Люцифер до хруста сжал челюсти, и, ссутулившись, прикрыл глаза.

– Продолжай, – устало попросил он.

– Всё бы ничего, но меня едва не сожрала громадная извивающаяся зубастая тварь, обитающая в глубинах озера. Не хочу даже интересоваться, откуда она там взялась. Я кое-как отбилась и выбрался на берег. Потом пошел искать вас. Везельвула я нашел быстро, недалеко от того места, куда упал я. Он ударился головой и пришел в сознание только на следующий день, – Астарот явно многое опускал, но по изменившемуся лицу Люцифера было понятно, что тот догадывается, о том, что пришлось пережить его друзьям.

– На твои поиски ушло гораздо больше времени, так как ты умудрился провалиться еще и в глубокую расщелину. Понятия не имею, как ты вообще выжил. В узком ущелье тебя от падения сложило едва не пополам, я не был уверен, что хотя бы в одном месте позвоночник у тебя не был сломан. Прости меня, но тогда я всей душой желал, чтобы ты оказался мертвым. Но ты застонал. Я стал искать способ, как к тебе спуститься и хоть чем-то помочь. От правой руки было толку мало... я не смог тебя вытащить, ты только сильнее стонал.

Я не знал, что делать, я не мог тебе помочь. Я просто сидел и смотрел, как ты мучаешься и во мне с каждой секундой зрела решимость покончить с этим, но я медлил. Слава Богу, что я медлил! – Астарот слегка покачнулся и снова быстро заморгал. Люцифер притянул его за рукав и осторожно посадил рядом, придерживая рукой за плечо. Следом усажен был и Везельвул, а в глазах Люцифера снова вспыхнула вина, на сей раз за то, что он заставил раненных друзей стоять и не додумался предложить им сесть. Присев, Астарот понял, что земля больше не уходит у него из-под ног и, слегка придя в себя, продолжил свой рассказ:

– Вдруг я понял, что кто-то стоит рядом со мной. Это был ангел! Только его крылья покрывали не перья, а переливчатая изумрудная чешуя. Он стоял и смотрел на тебя, а по лицу его стекали слезы. Он поднял тебя на руки и с легкостью вылетел наверх. Я выбрался из расщелины и увидел, как он укладывает тебя на камень. Он еще несколько мгновений смотрел на твое лицо, а потом развернулся и ушел. Я подошел к тебе, ты дышал, но слабо. Я обернулся, чтобы поблагодарить твоего спасителя, но он исчез. Единственное, что нарушило тишину, это тихий всплеск воды.

Твои раны были ужасны, на теле не было живого места. Глаза заволокло плотной пеленой. А спина... я видал всякое, но это... это была лишь смесь крови, мяса и костей, но не спина. Ты ободрал ее до ребер, некоторые из них даже сточились о камень. Я не знал, за что взяться. Я много дней собирал тебя по частям, миллиметр за миллиметром, и надеялся только на то, что ты этого не чувствуешь.

– Аст и мертвого вылечит, – подмигнул Везельвул, стараясь разогнать гнетущее настроение.

– А он и вылечил, – серьезно ответил Люцифер.

– Ты поправлялся медленно. Очень медленно. Спина зажила, а вот раны на лопатках были необычными. Ты же знаешь, что этот меч... что раны от него не заживают. Я испробовал все средства. Я сделал что мог. Возможно, они заживут. Со временем.

«Тебе с этим жить», – перевел для себя Люцифер.

Аст снова ненадолго прервался, его голос заметно сел. Перед глазами вновь начали собираться нехорошие пятна, он тяжело вздохнул. Люцифер уже собрался прервать его и уложить на свое место, но Астарот, отдышавшись, выкрутился из его рук, решив, наконец, закончить рассказ:

– Через несколько дней очнулся Везельвул. Когда мы начали ухаживать за тобой вдвоем лечение пошло быстрее и вскоре ты пришел в сознание. А всё дальнейшее ты уже отчасти помнишь. Ты ненадолго приходил в себя, но я не давал тебе находиться в сознании, раны были слишком серьезные.

– Сколько мы уже здесь находимся? – спросил Люцифер.

– Около трех месяцев.

7.

Он сидел, закрыв лицо руками, и никак не реагировал на окружающих.

– Люцифер? – позвал товарища Астарот, решив, наконец, вывести его из тяжелой задумчивости.

Лицо Люцифера исказилось от злобы:

– Забудь, – прорычал он сквозь зубы.

– Что забыть? – Аст опешил.

– Имя, – устало объяснил Люцифер и нервно провел рукой по волосам. – Какой я теперь Светоносец?

Он смотрел на друзей, а в глазах читались растерянность и отчаяние. Они знают, что теперь все пропало, но все равно с надеждой заглядывают ему в глаза. Они верят в него, а он боится, впервые в жизни боится и не знает, что делать.

Дея очнулась, вновь услышав потрескивание костра и шум моря. Страх последовал за ней из этого кошмара. Мысли ее метались, пытаясь отыскать выход, и не находили его. Она не сразу смогла вернуться к реальности, силясь понять, что только что видела.

– Что... что это было? – пробормотала она.

– Мои воспоминания, – ответил Люцифер.

– Да кто ты такой?! – истерично вскрикнула она, пытаясь вырваться, но он никуда не собирался ее отпускать.

– Ты прекрасно знаешь, кто я, только не хочешь в это верить.

В ответ Дея затряслась и сдавленно засмеялась. Люцифер был впечатлен ее реакцией и, вывернувшись, с беспокойством оглядел ее лицо. Она почти плакала от смеха, но в глазах мелькал страх. Все понятно, тут не далеко до истерики и панического бегства. Он на всякий случай отпустил ее и отодвинулся подальше, продолжая внимательно следить за ней. Внезапно Дея затихла, и лицо ее стало бледным и серьезным. Люцифер чуть свободнее вздохнул. Кажется, обошлось. Теперь настал ее черед изучать каждый миллиметр его лица. Он впервые видел ее такой.

– То есть ты утверждаешь, что ты и есть тот самый Люцифер? Что ты Сатана, Дьявол или как там его еще называют, в общем главный в Аду?

Люцифер кивнул.

– Хорошо, – выдохнула она.

Она выглядела так, словно ей было абсолютно наплевать на происходящее. Вся картина мира с треском разлетелась в несколько секунд. Этот неадекватный маньяк действительно мог бы быть Дьяволом, она даже иногда допускала такие сравнения, но чтобы это было реальностью? Нет, увольте. Остановите эту чертову планету, я сойду. Если бы Земля начала вращаться в другую сторону, этому бы еще можно было найти объяснение. Но это...

– Падший ангел... Ну да, это хотя бы объясняет, откуда у него такое идеальное лицо и дружелюбное отношение к людям, – размышляла Амадея. – Но все это очень похоже на бред. Может у меня все же что-то с психикой? А что, немудрено, при моей-то жизни.

Дея задумчиво разглядывала его словно интересный музейный экспонат. Она это делала с таким отстраненным видом прожженного эксперта, что Люцифер удивленно изогнул одну бровь. Вот тогда она вернулась обратно на Землю. Молчать дальше было неудобно.

– Как... как мы будем отсюда выбираться? – спросила она, подняв на него вопросительный взгляд. Люцифер хитро улыбнулся и притянул ее к себе. Дея еще не успела начать протестовать, как они оказались в совершенно другом месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.